

Ркаил Зайдулла. Фото 1982 года

Родился (1962)
в д. Чичкан
Чувашской АССР.
Окончил КГУ.
Поэт, прозаик,
драматург, публицист.
Лауреат Госпремии РТ
им. Г. Тукая,
Республиканской премии
им. М. Джалиля.
Его произведения
переведены
на русский, английский,
турецкий, узбекский,
чувашский языки.
Делегат Всемирного
конгресса писателей
в Хельсинки (1998)
от Татарского
ПЕН-центра

Ркаил
Зайдулла

Воскресенье

Дни покидают меня!
Дни покидают меня один за другим...
Настало, быть может, время
Спросить:
Кто я? Что я? Как моё имя?
Дни покидают – что ж, значит нужно так,
Коль затворяется дверь, то затворяется пусть...
Что я нашёл на земле, чтоб воплотить в стихах,
Чтоб воплотить в стихах – что не могу вернуть?
Вот и ещё один день канул в небытие,
Будущее моё вновь ниспослало весть,
Что-то моё, уходя, день прихватил с собой,
Что-то своё, уходя, мне он оставил здесь.
Каждый на этой земле свой выбирает майдан:
Кто на чьей стороне?
Но...
Красное ли полотенце с пояса бросил он?
Проходят дни, задевая ресницы мои.
Развеваются по ветру
белые их
балахоны.

Суббота

Уходят,
На спинах у них горит порядковый номер,
Словно след от когтей.
Окликая путников, спрашиваю:
Куда они так спешат?
Исчезнет ли он – проставленный кем-то номер,
Заживут ли их раны?
...Хоть земля, может быть, и не круглая,
Но они вернуться однажды ...

И, как прежде, белыми будут их балахоны?
Будут, так будут потом, а сегодня
Рукой я машу им вслед, на прощанье:
Ткани лоскут, вытянувшийся из ладони,
Это платок или стяг...
Мира какого зная?

Пятница

Уходит в небо дуб вечнозелёный.
Что движет им? Свобода? Высота?
Напрасно ждать – небесные врата
Не отворить, в них оперевшись кроной.
Уходит древо, буйною листвою
Трепещет, как взволнованное сердце.
Хочет мир, смотря на это действие!
Не скрыться
листьям и сердцам под паранджой.
Моли, упрасивай – а всё ж уходит он...
Но знаю, вскоре встреча ожидает:
Иду вперёд. Зачем? Не понимает
Толпа, свистящая мне вслед, вдогон...
Уходит, разрезая облака.
Животворящий ливень не прольётся.
Нет на судьбе поэта паранджи:
И словно лист,
Сегодня сердце бьётся.

Четверг

Деревня, откуда я родом, расположилась в низине.
Помню в детстве мы часто ходили купаться на озеро в соседнее село.
Наплескавшись часа два, покуда тело не покроется гусиной кожей, собираем-
ся в обратный путь. Шагаем медленно, в движениях чувствуется утомление, мышцы
приятно ноют.

Дует свежий ветерок – тугие колосья вдоль дороги ударяются друг о друга, и по округе разносится запах хлеба. От этого запаха грудь широко расправляется и, разливая по всему телу отраду, начинает судорожно биться сердце. Хочется что-нибудь сделать для людей, хочется совершить что-то хорошее. В этот момент испытываешь блаженство!

Теперь вот я живу в городе. Город впитывается в мою кровь. Только мне очень хочется, хотя бы один только раз, вновь пережить то состояние блаженства из моего детства, очень хочется...

Мы возвращаемся. Домов ещё не видно, только мечеть без минарета, словно птица без крыльев, только застывшая в устремлении к небу мечеть будто бы говорит нам: «Вагалэйкемэссалам!» Вот она, наша деревня! Хоть и находится она в низине, а видно её издалека!

Так впервые мы – мальчишки, росшие, играя в прятки среди приземистых домишек, испытали чувство гордости. Старая деревянная мечеть была для нас таинственной, волшебно-завораживающей.

Став чуточку старше, мы осмеливались проникать внутрь мечети. Сооружение было ветхим, поэтому заходить туда нам запрещалось. Только разве мальчишек остановишь запретами?

По прогнувшимся ступенькам поднимаемся на чердак.

Высота.

Наверное, именно так сильно восхищаются горами те, кто вырос в долине, наверное, они всегда боготворят горы... Почему же нас так тянет в небо?

Сквозь щели просачивается свет дня. Какие-то рукописи, испещрённые древними буквами, валяются под ногами и о чём-то перешёптываются. Мы делаем из них голубей и запускаем в небо. Немного пролетев, они словно подбитые самолёты, втыкаются носом в родную землю. Только за самолётом тянется дымный след, а тут ничего.

Уже после того, как мечеть разобрали, эти рукописи долго ещё валялись на земле, пока не размокли от дождя и снега. А дорога в школу проходила как раз по фундаменту мечети. Мы ходили в школу, наступая на завязи памяти...

Горела история. История – каменные дворцы, надмогильные плиты, горшечные черепки... Оказывается, она всего-навсего рукопись. Мы не заметили дыма, поднимающегося в синее небо... А как же мифы, песни, предания? Разве они не история, не память? Они только дым, тот самый дым... Дым, превратившийся в хлопья... а из той сажки, что осела на наши лица, мы можем сделать лишь чернила для написания стихов.

В деревне никто не умел читать по-старому. Никого из сельчан не интересовали пожелтевшие листы. Лишь одному большому пареньку очень хотелось прочесть эти рукописи... Волосы его, завитками, похожими на арабские буквы, спадали на лоб и...

о нём говорили, что он безнадёжен,
верь-не верь –
Мысль прерывиста, сам он ни то ни сё.
Чудо – если поправится, вчера в восемь часов
безнадёжность в его постучалась дверь.

А недуг у него какой-то чудной:
бессоница и песни старинные.
На землю неожиданно обрушилась туча –
орда в последний бой ринувшаяся...
Теряет сознание при виде крови –

Будто сам он ранен, ранен.
 Стонет стопами семи предков –
 На свете
 Бывает, видно, недуг и такой!

«Мечтатель» – говорили о нём на деревне.
 Кто-то сказал: разум парня
 впотьмах блуждает...
 Но ошиблись,
 хворь была поопасней –
 болезнь памяти.
 Такой вот жил человек.
 Искал в словаре «забыть» что значит,
 и разум его был здоров.
 А сегодня в восемь часов
 по деревне
 разнёсся плач вперемешку со смехом,
 смех вперемешку с плачем.

Среда

В нашей местности люди пляшут тяжело, как лошади. Прогибаются полы, пыль столбом. Кровь вскипает, на лбу проступают крупные капли пота, тяжёлые пальто и шубы летят в угол, будто сброшенные оковы. Не грех разок выйти из себя и пусть стонут половицы. Пускай взвихрится парень, сердце его превратится пусть в молодого жеребёнка. Ведь наш народ терпелив, как мерин, как мерин вынослив.

Человек всегда старался быть похожим на кого-нибудь или на что-нибудь. Ни этому ли обязано человечество своими высокими достижениями? Люди, живущие на берегу моря, мечтали быть похожими на рыб: появились корабли. Люди, живущие ближе к небу, мечтали быть похожими на птиц: появились самолёты. Что это? Желание вернуться к истокам?

Жизнь нашего народа с незапамятных времён связана с лошадью. Нет ли и в нашем характере, движениях, облике некоторого сходства с этим животным?

По телевизору показывали танцы горцев. Руки у танцоров широко разведены, словно крылья, кажется, вот-вот взмахнут ими и полетят. А какие лица!

Народы гор танцуют, словно орлы.

Но времена меняются. По дорогам мчится несметное количество авто, на полях грохот тракторов, сотрясая горы, летят самолёты. Не схожи ли мы теперь и с машинами?

... А за окном идёт снег. Мы входим в новую зиму. Наверно, в деревне сейчас начался забой скота. Лошадей везут из соседних сёл, а если там их нет, то, наверно, привезут издалека. Издавна так заведено. Заколоть коня во дворе – это знак богатства, достатка. Многие уже в этой жизни повидавший абзый, произнеся «Аллаһы эжбэр», слегка подрагивающими руками погружает в горло животного огромный нож. Растапливая белый снег, бьёт из горла кровь, брызжет на валенки хозяина. На лице хозяйки, стоящей рядом, торжествующая улыбка, в руках у неё медный кумган, наполненный тёплой водой. Когда животное затихает, около десятка мужчин быстро разбирают его на части и спешат в дом. На улице вырывается запах свежежваренного мяса. В этом доме сегодня праздник. Не смея по-

дойти близко, издали сверкая глазами, радостно поскуливают уличные собаки. И у них сегодня праздник...

Как будто из горла веков просочилась кровь,
из горла нравов и обычаев, Гайса!
А ведь только лишь купленную тобой лошадь
ты заколол –
в последний раз взглянула алая кобылица в синее небо!

Как стоптанные туфли поэта, копыта её
улеглись у открытой пасти собачей конуры,
а память никто не пробудил, Гайса.
Ох и обрадовалась старенькая соседка,
что в народе забой скота,
что живы, живы ещё нравы и обычаи,
ох и обрадовалась старенькая соседка!
Не заметил никто – сегодня из горла традиций
кровь просочилась, Гайса.
Из-за тысячи вёрст ты привёз кобылицу.
Эх, и тоже ведь радовался:
такую заколоть, это уже счастье...
не услышал никто
последнего кашля жерёбой трёхлетки,
купленной за тысячу рублей, Гайса...

98

Вторник

Он врал не переставая.

Мы сидели, покусывая губы, кивая головой. Мы ведь не приучены кричать: «Ложь!». Он это понимал, поэтому, внутренне посмеиваясь над нами, врал в своё удовольствие.

Деревья росли кронами вниз, с корней на наши макушки, на пиалы, стоящие на столе, крошилась земля.

Прикоснувшись губами к пиалам, мы ощутили вкус земли, неведомый нам до сих пор какой-то горьковато-солончатый привкус. В сердце приподняла голову ненависть, словно росток полыни, вытянувшийся в мир из развороченной, обугленной почвы.

Неужели ложь необходима человеку так же, как солнце, вода, воздух? Как мне по-другому объяснить грубое соседство слова «ложь» рядом с такими словами, как «красивая» и «святая».

А он врал с упоением. Только его ложь была уродлива. Он, втайне потешаясь над нами, продолжал выжимать полынь в наших сердцах, продолжал выжимать её, и горечь комом подступила к горлу.

«Ложь!» – крикнули мы раздражёнными голосами.

Боже мой, неужели и таким способом можно разбудить ненависть ко лжи? И к красивой, и к безобразной...

Понедельник

Старая печь прислонилась к ней...
 На полу бело.
 В зрачки преникшей к окну темноты
 вползает белесый свет.
 И с потолка то и дело падают капли.
 Разрастается на её коленях чёрная шаль...
 Только клубок у ног всё
 тает... тает...
 Чёрная кошка вчера перебежала мне дорогу,
 торопилась к своим деткам, сказали о ней.
 Рвётся нить...
 Из-за неосторожности ли дрожат ресницы?
 Она соединит её, влагой своих губ соединит!
 Этот клубок не должен спутаться!
 Тает под ногами... тает...
 На каком ты меридиане, успеешь ли добежать босиком,
 чтобы соединить оборванное?
 И,
 словно звук, прилипший к небосклону,
 я поднял взгляд вверх лесов.
 Я – журчание родника.
 Я – ветерок от взмахов соловьиных крыльев.
 Я – алость спелых ягод
 на ладошках маленькой девочки.
 Я – молния, пляшущая в твоих окнах.
 Я – последняя гроздь холода в снежном погребке. Я – огниво.
 А сейчас ветер поднялся над лесом,
 и бегут, бегут деревья в даль далёкую,
 слышится взрыв...
 Таинственная дочь леса!
 Как ты?
 Что принесло тебе дуновение этого ветра?
 Я ли не жажду песен
 нежности?
 Капают на бумагу зелёные всхлипы.
 Не печалься... Нет, не близки к тебе
 эти взрывы...
 Они на моей стороне.
 Поднимается пыль, дым
 от их душ,
 и бегут, бегут деревья в даль далёкую.
 Я стою на меже,
 словно звук, прилипший к небосклону...
 Так куда же, куда идти?
 Копытцами сбивая мухоморы,
 в песню
 вбежал оленёнок.

1982

Перевод с татарского Талии Шарафиевой